

Виктория
Токарева

Кругом
один обман

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Токарева

Кругом один обман (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

Токарева В. С.

Кругом один обман (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус», 2016

ISBN 978-5-389-12540-7

«Особенность Венеции – карнавальная обстановка. Людей – потоки, толпы, и всем весело, все радуются. Невольно заражаешься праздничной энергией и улыбаешься во весь рот. А чему? Всему. Тому, что ты молод, жив, здоров, сыт. А если голоден, то скоро поешь. Если молод – не постареешь никогда. Если стар – никогда не умрешь. Жизнь вечна. Всегда, всегда будет легко и весело, как сегодня. А иначе – зачем Венеция? Но сколько можно ходить вот так – рот до ушей? Ну, месяц. А потом хочется новых впечатлений...» В. Токарева Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-12540-7

© Токарева В. С., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Рассказы	6
Невезучая Фима	6
Фуга Баха	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виктория Токарева

Кругом один обман

© Токарева В. С., 2016

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство АЗБУКА®

***

Казалось бы: плюнь на все и не работай. Но талант... Он давит. Гонит. Талант – это дополнительная энергия, которая требует выхода. Но ведь не будешь играть сам себе перед зеркалом в пустой комнате. Нужен зал. Зрители. Аплодисменты...

Рассказы

Невезучая Фима

Однажды утром в моем доме раздался телефонный звонок, и приятный женский голос произнес:

- Можно попросить госпожу Токареву?
  - Госпожа слушает.
  - Здравствуйте.
  - Здравствуйте. С кем я говорю?
  - Вы меня не знаете. Я хотела бы с вами встретиться.
  - Зачем?
  - Ну, встретиться...
  - А вы кто?
  - Я? Массажистка Серафима Волкова.
  - А где вы взяли мой телефон?
  - Это не трудно. Вы же не Пугачева.
- Ответ исчерпывающий.
- А что вы хотите? – спросила я.
  - Ничего. Просто познакомиться, и все.
  - Я массажей не делаю.
  - Почему?
  - Не люблю.
  - Ну и не делайте. Никто не заставляет.

Если бы я захотела сделать курс массажа, я взяла бы человека по рекомендации, а не первого попавшегося, неизвестно кого.

- Я сейчас занята, – сказала я. – Позвоните летом.

Настало лето. Серафима позвонила и напомнила о себе.

- Позвоните зимой, – сказала я.

Она позвонила зимой. Я перенесла на весну. Она позвонила весной. Мне стало ясно, что легче встретиться, чем отвязаться.

Можно, конечно, сказать: перестаньте звонить. Но это грубо. У меня испортится настроение, и я целый день буду переживать и пережевывать эту ситуацию. Я встречалась с унижением и знаю, что это такое. Лучше этого не знать.

Я тяжело вздохнула и сказала:

- Ну, приходите...

В конце концов, я потеряю два-три часа. Ничего не случится, и от меня не убудет. Познакомлюсь с массажисткой Серафимой. Каждый человек чем-то интересен. Каждый человек – материал.

Серафима пришла. Явилась не запылилась.

Я смотрела, как она идет от калитки к моему дому. Высокая, стройная, с идеальной фигурой. Сиськи наружу. Тело играет и поет – буквально симфония.

Она подошла ближе – некрасивая, с идеальной кожей. Нос грушей, выражение лица нахальное. Ни единой морщинки, как на рекламе. Но возраст все равно проступает: сорок – сорок пять. Это, конечно же, молодость. Однако уходящая.

- Я Серафима. – Она протянула руку. – Можно Фима.

- А почему не Сима? – удивилась я.
- Сима – еврейское имя.
- А Фима, по-вашему, какое?
- Какое?
- Еврейское и мужское. Ефим. Половина евреев – Фимы.
- Ну не знаю. Я привыкла. Мне вообще-то все равно.

А мне тем более.

Я предложила Фиме кофе. Мы сидели на террасе и беседовали о том о сем. Практически ни о чем. О чем могут говорить незнакомые люди? Фима спрашивала, кто на ком женат в мире шоу-бизнеса. Я отвечала, при этом пыталась понять: зачем она приехала? Что ей от меня нужно? Узнать, кто муж у Лолиты Милявской?

Далее Фима предложила сделать мне массаж. Не дожидаясь моего согласия, разложила на столе баночки, скляночки, встала так, как ей удобно, посадила меня как положено и принялась за массаж. Ее пальцы летали по моему лицу, как у пианиста по клавишам. Прикосновения были легкие, профессиональные. Я поняла: она хорошая массажистка. И еще я поняла, что массаж – это аванс. Она что-то от меня хочет.

Фима не любила молчать. Она стала рассказывать мне историю своей любви. И тогда я догадалась: Фима мечтает иметь повесть о своей любви. Пусть будет книга – летопись ее жизни. Обидно, если ее история канет бесследно. А книга – это как бы скрижали на камне, как заповеди, данные Моисею.

Мне ничего не оставалось, как слушать.

Сюжет таков: Фима влюбилась в Мишу. Фиме было двадцать пять, Мише сорок.

Она влюбилась в него с первого взгляда, любовь стала подниматься в ней, как вскипевшее молоко. И Миша влюбился с первого взгляда. И это было заметно. Они стояли друг против друга с вытаращенными глазами, и любовь творила в них свою божественную химию.

Неприятно было то, что рядом с Фимой в этот момент стоял ее муж Веня. Кстати, Веня их и познакомил на свою голову.

Миша – небольшой начальник, и Фиме от него было что-то надо. Наверное, хорошее рабочее место. У Фимы такой характер, что ей постоянно что-то от кого-то надо, поскольку трудно пробиваться в жизни одной, без поддержки.

Муж Веня – никчemuшник. Ему все неудобно. Он берет только то, что ему дает государство. А у государства можно только своровать. Само оно ничего не дает. И государству никогда не стыдно. Спрашивается, чего ждать? Надо идти рогом вперед и не стесняться.

Массажист полностью зависит от клиента. А клиенты разные. В профсоюзном санатории клиент – нищий пенсионер, а в салоне красоты – у клиента денег как у дурака махорки.

Фима пришла к Мише за теплым местом, и она его получила вместе с любовью.

Любовь образовалась настоящая, всепожирающая, страстная. Костер до неба. На этом огне сгорел бедный Веня, и ребенок, общий с Веней, остался без отца. Но это – деталь. Главное – ответное чувство.

После любви Фима засыпала на Мишином плече. Раньше она не представляла себе, что значит спать на мужском плече? Жестко, неудобно, из подмышки воняет конем, изо рта – запах от пищевода, что за радость? А с Мишей... плечо бархатное, от тела пахнет сухим сеном, дыхание легкое, как у ребенка, как утро в розовом саду. А все дело в чувстве. Любимые пахнут легко и благоуханно. А нелюбимые – воняют. Вот и весь секрет.

Рядом с Мишей Фима поняла: что такое отдаваться. Раньше было непонятно: как это – отдавать себя? А теперь понятно: на! бери! всю! Вместе с жизнью. Ничего не жалко. И не смотрела вперед. Никогда не разговаривали о том, что будет дальше. Фима выгнала мужа, пошла на жертву, и немалую. Раньше ее статус: замужняя женщина, а сейчас – любовница женатого человека. Никакого уважения в обществе, более того – презрение. Всем ведь не расскажешь

про чувство, про то, какое счастье быть в объятиях любимого и какая нежность распускается потом и окутывает, как облако.

Об умном не разговаривали. А зачем? Ведь не на семинаре и не на курсах повышения квалификации. Когда любишь, можно не разговаривать словами. Все тело говорит, и взгляды, и молчание – все наполнено смыслом. Слова только мешают и замусоривают.

Миша был женат, имел сына Костю. Он звал его «котик». Миша обожал своего Котика, и было за что. Мальчик – нечеловечески красив, судя по фотографиям, нервный, непростой. Ненавидел учебу, и получалось: если Миша уйдет из семьи, Котик сломается и перестанет ходить в школу, сойдет с резьбы. Жена с ним не справится, поскольку не имеет авторитета. Из всего вышесказанного следует, что Миша не может уйти из семьи до тех пор, пока Котик не кончит школу и не поступит в институт.

– А потом? – спросила Фима.

– А потом я свободен. Я буду только твой.

– Ты и сейчас только мой, – говорила Фима и была права.

Миша часто оставался у нее ночевать. Жена, без авторитета, но с громким голосом, закатывала скандалы, даже истерики с битьем посуды. Пришлось три раза покупать новый обеденный сервиз.

Иногда она тихо плакала, это было душераздирающее зрелище. Истерика – все-таки спектакль. Действие. А тихие слезы – это горе и безнадежность. Котику было жалко маму. Он обнимал ее и говорил: «Мамочка, не плачь. Я вырасту и женюсь на тебе».

Котик вырос. Кончил школу. Поступил в институт. И заболел.

Врач объяснил Мише, что эпилепсия – заболевание не психическое, а неврологическое. У эпилептиков во время приступа происходит озарение. Они видят, как устроена Вселенная. Им открывается Божий замысел. Но когда приступ заканчивается, они ничего не помнят. Природа скрывает свою главную тайну.

– Если не помнят, какой смысл в эпилепсии? – спросил Миша.

– От армии освободят, – сказал врач.

– Только и всего?

– Нет, не только. Нельзя работать учителем, врачом и артистом.

А Котик как раз хотел быть артистом, у него находили способности. Готовый герой-любовник с реальной перспективой. Красота – редкость. Красивых – мало. Талантливых сколько угодно, а вот красивых и талантливых одновременно – днем с огнем не найдешь.

Миша вернулся домой, его лицо было черным. Хоть бери да вешайся. Жена сухо сказала:

– Вот результат твоей двойной грязной жизни. Скажи спасибо своей массажистке.

Миша внутренне согласился с упреком. Его накрыл комплекс вины. Да. Это он виноват. Котику нужен был отец, мужское влияние, контроль, а он, Миша, в это время намеревался уйти из семьи и воспитывать чужого сына.

Миша переменялся. Фима его не узнавала. Как будто льдина, на которой они стояли, раскололась на две части и разъехалась. Расстояниеросло. Не перескочить.

Фима пыталась сочувствовать.

– Как жаль, – говорила она. – Судьба жестока, бьет по самому дорогому, по детям.

– Перестань кликушествовать! – обрывал Миша. – Я же все-таки отец, поймей такт...

Тогда Фима меняла политику, пыталась успокоить.

– Все будет хорошо, – обещала она. – Дети трудно растут, но в конце концов все перемелется, мука будет.

– Хорошо тебе говорить, когда твой сын здоров, как бык. А если бы ты пришла в «палату № 6» и увидела своего сына среди сумасшедших и его бы лечили инсулиновыми шоками...

Фима пугалась, бог с тобой, что ты такое говоришь...

Миша, конечно же, был не виноват в болезни сына. Сколько мужчин живут двойной жизнью, практически девяносто процентов населения, но дети не заболевают. Здесь дело в чем-то другом, Котику мог достаться испорченный ген. Но Миша не хотел слушать. Он был зол на судьбу. Миша себя любил. Он был везунок, избалованный женским вниманием, его страстно любили: мать, жена, любовница, он купался в любви, и вдруг судьба дала ему пинок под зад – цинично и больно, и у прохожих на виду.

Миша стал мрачный и мстительный. Ему тоже хотелось дать пинок под зад всем подряд, включая Фиму.

Фима увидела нового Мишу и поняла: его не вернуть. У Фимы была своя врожденная гордость, она не хотела тратить время на человека, которому она не интересна. И Фима – тихо, бочком, бочком в сторону от Миши. Если бы она могла что-то изменить – изменила бы, но она ничего не могла, только рыдать, осыпать упреками и проклинять свою участь – вот уж бессмысленное занятие.

Любовь ушла из Миши. Так бывает. Никто не виноват. А новый Миша ей неподвластен.

Настоящее – не интересно, будущее – отсутствует, его просто нет. Чего, спрашивается, ловить?

Жалко упущенное время? Да нет, не жалко. Было хорошо. Было неповторимо. Единственное, что плохо – осложнение от прошлой любви. Полная душевная немота. Все выгорело. Никто не нравится. А время бежит. Уже сорок пять. Последний вагон. Вокруг – никого достойного. Все норовят проехаться за ее счет, потрахаться на халяву. А где настоящие мужчины – надежные, умные и скромные? Где они?

Мне стало ясно, зачем приехала Фима. Она решила: если я творческая единица, вокруг меня должны быть интересные люди, в том числе скромные и надежные, и можно выловить крупную рыбу, писателя, например, или из шоу-бизнеса. Пусть даже не очень крупную, просто непьющего мужичка, который будет ее содержать, ласкать и заботиться.

О! Мечта одиноких женщин. Хочется завывать от тоски.

Мне стало жалко Фиму. Чем я могу помочь? Вокруг меня, конечно, существует какой-то круг, но все стоящие мужчины разобраны. Свободны только голубые, но они годятся исключительно для дружбы, для высоких бесед. Фиме высокие беседы ни к чему. Ей нужен полноценный секс и материальное обеспечение.

Я вспомнила, что через неделю будет отмечаться торжественная дата: столетие «Огонька». Состоится высокий съезд гостей. У меня есть приглашение на два лица. Можно взять Фиму, и пусть она там выловит себе из литературного и политического водоема какую-нибудь полуживую доверчивую рыбку.

Обычно на таких сборищах мужики шарят глазами во все стороны в поисках случайных связей и настоящей любви. Как повезет. А женщины стоят в боевом оперении и ждут с нетерпением. И тоже шарят глазами. Жизнь – это непрекращающийся шанс. Надо уметь использовать. Под лежащий камень вода не течет.

Лично я, как правило, скромно пребываю в углу и смотрю: в какой хлам превратилось мое поколение. Каждый думает про себя, что он никогда не постареет и не умрет. Но стареет, как миленький, поскольку природа – непрекращающаяся эволюция, а эволюции выгодно обновлять поколения.

Некоторые стареют красиво. Бондарчук, например. Был простоватый, щекастый. А стал – пророк: худой, длинные седые волосы, пронизывающий взгляд мудреца. Женщины, как правило, просто вянут. Уходит сверкание молодости.

Хорошо выглядят верующие. У них спокойные лица, лишённые суеты. Они знают главное, сокрытое от остальных.

Короче, я пригласила Фиму на большой праздник. У нее глаза прыгнули на лоб от радости. Значит, я точно разгадала ее планы и намерения.

В назначенное время мы прибыли к месту. Я сейчас не помню, где именно это происходило. Помню только огромный зал, где перемещались потоки людей. Мужчины все в черных костюмах и накрахмаленных рубашках под галстук. Женщины – кто во что горазд. Большинство в маленьких черных платьях, подчеркивающих фигуру и дорогую бижутерию.

Фима надела поверх платья меха из перьев. Абсолютная Кабирия из фильма Феллини. Выглядела она неприлично, но что поделаешь. Уже ничего не поделаешь.

Ко мне подошла моя ближайшая подруга Фаина, известная актриса. Тихо спросила:

– Что это за чудо с перьями?

– Это Фима, – ответила я.

– А ты не видишь, что она проститутка?

– Нет. Не вижу. Просто у человека другой вкус.

– Фима... Что это за имя? Ефимья?

– Серафима, – уточнила я. – А разве есть такое имя: Ефимья?

– Конечно. В святцах записано. Русское имя, ушедшее из употребления.

Фаина отошла стремительно, у нее были свои неотложные дела.

Фаина добывала себе работу, как голодный медведь после спячки добывает себе еду. Шла напролом и жрала все, что попадалось. Что же делать? Зависимая профессия. Актриса вынуждена предлагать себя, как проститутка на вокзале (если она не звезда, конечно). Казалось бы: плюнь на все и не работай. Но талант... Он давит. Гонит. Талант – это дополнительная энергия, которая требует выхода. Но ведь не будешь играть сам себе перед зеркалом в пустой комнате. Нужен зал. Зрители. Аплодисменты.

Я смотрела, как моя подруга подскочила к номенклатурному чиновнику, стала что-то энергично произносить. Ее челюсти гуляли вверх-вниз, как у собаки. Я видела ее в профиль. Издалека казалось, что она лает: гав-гав-гав. Номенклатурный мужик смотрел перепуганно, может быть, боялся, что она его укусит.

Ко мне приблизилась дочь президента Ельцина и сказала:

– Я ваша поклонница.

Примерно то же самое сказал Плеханов Горькому на каком-то съезде.

– А я ваша, – ответила я.

– Да-а-а-а? – удивилась Татьяна. Это длинное детское «а» сделало ее милой и человеческой. Все-таки принцесса, могла быть слегка надменной, разговаривать сверху вниз. Татьяна общалась на равных. Общение было коротким, точечным.

Я нашла Фаину и похвасталась:

– Ко мне подходила принцесса.

– Это потому, что президент уходит в отставку, – объяснила Фаина. – Семья теряет власть. Вот она и подошла. А так бы – фиг она к тебе подошла.

Я не поняла прямой связи между этими двумя фактами. Моей поклонницей можно быть независимо от положения отца. Фаина не выносит моего успеха и тут же старается его обесценить. Я тоже не остаюсь в долгу, так что мы стоим друг друга.

Фаина повернула голову. Кого-то заметила. Метнулась в сторону, прорезая толпу. Я вспомнила чеховскую фразу из рассказа «Ионыч»: «Сколько хлопот, однако».

Фима тем временем прочесывала мужские ряды. Она не стояла возле меня неотлучно, и тем самым не грузила и не напрягала. Я чувствовала себя легко и свободно, что очень важно на таких мероприятиях.

Ко мне подошло знакомое лицо. Политик. Я часто видела его по телевизору. Довольно молодой, яркий, с примесью татарской крови.

Я люблю внешность с примесью, с любой.

- Я поклонник вашего таланта, – сказал Политик.
- Докажите, – отозвалась я.
- Как? – Он удивился.
- Дайте мне президентскую пенсию.
- Надбавку, – поправил он.
- Можно надбавку, – согласилась я.
- Мы даем, когда человеку сто лет, а вам сорок, самое большое.
- Мне как раз сто, просто я хорошо выгляжу.

Политик посмотрел на меня пристально.

Мне в этом году исполнилось пятьдесят пять – пенсионный возраст. В пушкинские времена пятьдесят пять лет – глубокая старость. Матери Татьяны Лариной было тридцать семь лет, и у нее были две дочери невесты. А сейчас в тридцать семь лет – сами невесты. А пятьдесят пять лет – расцвет, когда форма совпадает с содержанием. Раньше отставало содержание, позже начнутся проблемы с формой. А в пятьдесят пять лет – все слито воедино. Я стояла перед Политиком в коралловом пиджачке – зрелая, как созревший фрукт, но не перезрелая, веселая и умная. Замечательное сочетание.

- Я попробую, – пообещал Политик. – Я вам позвоню.
- Я дам телефон... – Я торопливо достала из сумки ручку, записала на приглашении.

Политик взял приглашение с моим телефоном.

К нам приблизилась Фаина.

- Не приставай к человеку, – приказала она. – Не задерживай.
- А твое какое дело?
- Меня попросили.
- Кто?
- Ну, попросили...

Очень может быть. В зале было много властей предрежащих, на них бесцеремонно накидывались приглашенные гости и решали свои деловые проблемы. Специально обученные люди следили за поведением гостей и пытались обезвредить наиболее навязчивых. Ко мне они подошли подругу. Это более деликатный ход, чем подойти самим и сделать замечание. Я ведь могу и обидеться.

Однако инцидент исчерпан. Политик положил мое приглашение в карман и отошел.

- Что ты от него хотела? – спросила Фаина.
  - Президентскую пенсию. Он сказал, что позвонит.
  - Это форма отказа. Они всем так говорят, но никогда не звонят.
- Фаина лучше знает. Ей, наверное, много раз обещали, а мне впервые.

Появился президент. За ним шли его мюриды. Человек шесть. Остановились возле небольшого стола.

Я внимательно смотрела на мюридов. Что за люди? Крайний справа был откровенно некрасив, как будто сделан из собаки, но при этом с его лица явно считывался ум, юмор, опять ум. Да. Дураков там нет, как бы нам этого ни хотелось.

Ельцин стоял как изваяние. Долгая партийная работа сделала его похожим на статую. К нему подошла дочь, что-то шепнула в ухо. Ельцин перевел взгляд в мою сторону и протянул мне руку. На руке не было половины пальцев.

- Виктория Токарева... – четко произнес он медным голосом. – Читал.

Я подержала его руку в своей. Хотела сказать: будет врать, но сдержалась. Конечно же, он не читал. Имеет право при своей занятости. Он небось и Тютчева не читал, и Лескова, а соврал из вежливости. Хотел сделать приятное. Мы, писатели, жаждем признания, тем более президентского.

Ельцин остановился ненадолго. Он вышел к народу из вежливости, для приличия и ждал случая, когда можно уединиться с мюридами в отдельной комнате и врезать по полной (в смысле, выпить).

Ельцин умел и любил врезать, но хуже от этого не становился. Что-то было в нем монументальное и необходимое для нас всех в тот смутный период.

Ельцин постоял для протокола и удалился.

Я тоже решила удалиться.

Отправилась искать Фиму. Над ней навис Виталька Кравченко, редактор «Огонька», – законченный бабник, скользкий как обмылок. Практически та же самая пьянь и рвань, которая окружала Фиму, только те работали руками, а Виталька головой. Все остальное – одно и то же.

Я подошла и бесцеремонно приказала:

– Фима, за мной!

Виталька вскинулся. Он еще не окончательно договорился. Хотел что-то возразить, но напоролся на мой взгляд.

Я отвела Фиму в сторону и сказала:

– Я ухожу, ты как хочешь.

У Фимы были еще какие-то планы, неведомые мне. Она решила остаться. А я ушла вместе с Фаиной.

Мы сели в ее машину. Нам было в одну сторону.

Хотелось помолчать. И мы молчали.

Мы с Фаиной дружили давно, лет двадцать. Отношения у нас были неоднозначные. Я многое в ней не принимала. Например, я не любила с ней сидеть за одним столом. Мне не нравилось, как она ест: кидает еду в рот деловито и грубо, как дрова в печку. Многие умеют есть красиво и даже сексуально, но это не Фаина. Кстати, я ем страстно, как голодный беспризорник, которого не кормили неделю. Тоже ничего хорошего.

Я не могла смотреть, как Фаина танцует. Я смотрела в пол. Мне было неприятно поднять на нее глаза. Я умоляла: не танцуй... Она удивленно вопрошала: ну почему?

Я бы не смогла объяснить почему. Видимо, язык ее тела казался мне грубым и неприличным.

Мне не нравилось, как она звучит. Голос – бормочущий, будто со сна. Фразы – примитивные, как у дикаря. При этом она обожала появляться в телевизионных передачах и толкать свои речи. Она именно толкала, помогая ладонью. Всякий раз это было долго и неинтересно.

Я говорила ей: скучно... Она отвечала: ничего не скучно...

Я не любила в ней отсутствие достоинства. Если ей что-то надо – преград не существует, особенно нравственных. Такие понятия, как стыд, совесть, – это что-то неконкретное, то, что нельзя пощупать и положить в карман. А деньги можно пощупать, и положить в кошелек, и обменять на нужную вещь.

Спрашивается, что же нас связывает? То, что я ее люблю.

Как можно любить человека с такими противопоказаниями?

Можно. Объяснения этому нет. На уровне тонких материй. Мы связаны, как кровные родственники, и если бы она сломала ногу и мне надо было бы тащить ее на спине в ночи – тащила бы сколько понадобится.

И она любила меня. Я это чувствовала. При этом ревновала к моему успеху, и, если меня при ней хвалили, ее лицо кривело.

Я за своим успехом не слежу. Я даже не знаю: есть ли он? Это ничего не меняет. У меня существует зависимость, как у алкоголика. Возможно, творчество и есть своего рода алкоголизм. Алкоголик будет пить, независимо от того, нравится это кому-то или нет. Творчество – это болезнь, но болезнь счастливая, светлая, не дай бог выздороветь.

Фима стала ко мне звонить и приезжать. Я привыкла к ней и была даже рада. Фима заботилась обо мне и каждый раз являлась с дарами, как к попу. Привозила мешок картошки, например, нанимала машину. Я, естественно, расплачивалась. Фима от денег не отказывалась. Похоже, у нее каждая копейка была на учете.

Она бурно рассказывала мне про свою жизнь. Я слушала невнимательно. Мне было ясно главное: Фима – женщина от макушки до пят. Ей хочется дарить любовь, а некому. На столетии «Огонька» она ничего себе не обрела и ждала от меня нового вливания.

Я искренне хотела ей помочь. Но как? Ситуация, как в западных магазинах: все есть, а того, что тебе надо – нет.

Так и женская судьба. Мужчин полно. А того, кто тебе нужен, нет! Где он?

Однажды в моем доме прозвенел звонок. Хриловатый мужской голос сообщил, что его зовут Борис Белый, он звонит из Парижа, является работником консульства.

– А что вы хотите? – не поняла я.

– Я хочу привезти вам орхидеи.

– В честь чего?

– В честь вашего дня рождения.

Я не поняла: он – в Париже, я – в Москве. Он что, попретсЯ из Франции специально для того, чтобы вручить мне орхидеи?

– А сколько вам лет? – поинтересовалась я.

– Шестидесят.

«Не юноша», – подумала я. Поздновато для романтических рывков.

– Спасибо. Но давайте пропустим этот день рождения. Как-нибудь в другой раз...

Но не тут-то было. Борис Белый все-таки решил со мной познакомиться, и мое разрешение или запрещение не имело никакого значения.

Он так решил. И приехал. И мне ничего не оставалось, как впустить его в дом.

Вошел. В моем доме запахло гуталином от начищенных сапог. Фигурально. А буквально – сапог не было, ботинки. И гуталином, естественно, не пахло. Но сразу стало ясно, что этот Белый – военный. Работает за границей мелким шпионом. Крупные в гости не навязываются. Крупные шпионы – как звезды. Это особый талант, редкий и драгоценный, как всякий талант.

Лицо у Белого – абсолютно анкетное, простоватое, славянского типа, безо всякой примеси, как еда без соли и без перца. Короче, лицо – никакое. И сам он – никакой.

Я стала вежливо ждать, когда он уйдет. Придвинулось обеденное время, я предложила ему поесть.

Он попробовал суп и сказал:

– Сюда нужно натереть сыр пармезан, чеснок и добавить копченую грудинку.

– Вы любите готовить? – догадалась я.

– Я повар.

Понятно. Значит, шпионские обязанности он совмещал с основной работой.

Белый поднялся из-за стола, подошел к плите и стал вносить те дополнения, которые он перечислил. Грудинки в доме не оказалось, и сыр – другого сорта. Но тем не менее суп заиграл новыми вкусовыми оттенками. Совсем другое дело.

Я аккуратно задала интересующие меня вопросы: кто у него в Москве? Каково семейное положение? Когда кончается командировка во Францию? Где он собирается впоследствии жить? Есть ли недвижимость, средства к существованию?

У меня было легкое подозрение, что у Белого ничего нет и он знакомится небескорыстно.

Белый довел до моего сведения: в Париже у него жена, вторая по счету, но она его выгнала. Бориса это печалит, но особенная боль – дочка Катя. Дочка от первого брака жены,

то есть по крови она ему никто, но Борис к ней очень привязался, он воспитывал ее десять лет, с двух до двенадцати.

«Хороший человек», – оценила я. Своих детей у него двое. Они остались с первой женой, которую он бросил, устремившись на зов любви. А теперь получается, он одинок на склоне лет.

Командировка кончается через год. Он вернется в Москву. На носу пенсия. Никаких накоплений. Но он – прекрасный повар, может работать в дорогих ресторанах. Квартиру ему оставила тетка, сестра матери, бывшая летчица и парашютистка. Квартира однокомнатная, убитая, в плохом районе. Но не важно. Главное – крыша над головой.

Мне стало ясно: меня он рассматривает как вариант убежища и пристанища. Я, конечно, не молоденькая. Можно сказать, лежалый товар, но знаменитая, приятно появляться на публике и есть о чем поговорить между собой. Интересный собеседник.

Чтобы внести ясность, я показала Белому свой семейный альбом, который отражал мою жизнь: муж, дети, внуки. Полная коробочка. Вакантных мест нет.

Белый принял к сведению. Покачал головой. Потом достал из портфеля толстую рукопись. Это были юмористические рассказы, которые Белый сочинил в Париже. Он привез их мне на рецензию.

Теперь я поняла, зачем он ко мне устремлялся. Он хотел, чтобы я прочитала его труд, завещанный от Бога, и помогла напечатать, выпустить книгу. Употребила свои связи.

Я пробежала глазами первую страницу. Есть такое слово: шуткует. Не шутит, а шуткует. От подобного юмора меня буквально тошнит. Мне делается плохо. Юмор – это прежде всего ум, а без этого ингредиента суп не получится. Дурак не способен пошутить интересно. А Белый, скорее всего, принадлежит к этому подвиду.

Когда Белый ушел, я отнесла его рукопись в гараж. В доме я плохие рукописи не держу. Мне кажется, они как микробы отравляют все вокруг.

После его ухода я обнаружила на столе очки, которые он забыл. Я позвонила ему вдогонку.

– Вы забыли очки, – сказала я.

– Оставьте их себе, – великодушно разрешил Белый.

Очки оказались мне впору. Более того, они были легкие, удобные, видимость отчетливая, как будто я заново родилась. Мое сердце обдало благодарностью. Очки – это главная составляющая моей жизни. Я в них пишу и читаю. А чтение – пассивное творчество. Я беру в собеседники Антона Павловича, например, или Серегу Довлатова. Вернее, это они берут меня в свои собеседники. А что может быть роскошнее, чем общение с талантом? Только любовь, да и то вопрос.

У меня никогда не было хороших очков. То диоптрий не хватает, то оправка не держит, то давит за ушами, и от этого болит голова. А тут – и диоптрии, и оправка, и мир предстает очищенным от пятен. Лист – белый, буквы – черные, мысль не тормозится, ни за что не цепляется. Спасибо тебе, Борис.

А орхидею он мне, кстати, привез. В коробочке. Очень изысканно, но временно. Орхидея завянет через неделю, а очки останутся на года.

Борис Белый появился в моем доме через полгода с букетом желтых хризантем и с фотографией новой невесты. С фотографии глядела вполне очаровательная барышня лет сорока. Это была русская певица, приглашенная французским продюсером на гастроли. Моя домработница смотрела на меня насмешливо. Дескать, я получила отставку. Где певица и где я?

Мне было все понятно. Белый осознал, что со мной каши не сварить, а ему некогда. Через полгода надо возвращаться в Москву. Не поедет же он один. Что ему делать в пустой убитой квартире на краю Москвы? К тому же певица действительно – яблоня в цвету, и очень милая.

– Замечательная девушка, – похвалила я. – Если хотите, приходите вместе с ней в гости. Пожарим шашлыки во дворе.

Я хотела поддержать Бориса, повысить его цену в глазах певицы.

Но... певица сорвалась. Она отвергла Бориса. И можно понять. Зачем он ей – старый, бедный и без Франции? У нее разворачивалась карьера, весь мир под ногой.

Борис звонил мне из Парижа в глубокой депрессии. Я его утешала:

– Найдем другую, не хуже.

– А как мои рассказы? – поинтересовался Борис сквозь депрессию.

– Рассказы замечательные. Вы – настоящий талант.

Борис молчал. Он хотел счастья в личной жизни. А успехи в работе – это так... говна пирога, как говорила его падчерица Катя.

Звезды на небе сошлись.

Я поняла: Фиму надо познакомить с Борисом. Свести. С одной стороны, сводничество – это порок, а с другой стороны – что плохого, если двое людей обретут свое счастье? В мире станет на одну любовь больше. И мир станет добрее. А мне вполне достаточно мешка картошки и очков. И удачно разложенного пасьянса.

Я сговорила с Борисом, и Фима рванула в Париж за свой счет. Есть поговорка: для бешеной собаки сто верст не крюк. Для Фимы не существовало расстояний, когда речь шла о любви.

Прошло несколько дней. Борис позвонил мне поздно, почти ночью и обиженно спросил:

– Кого вы мне прислали?

– А что? – не поняла я.

– За кого вы меня принимаете?

– Вам Фима не понравилась? – догадалась я. – Почему?

– Дама полусвета. Не высшее общество, – дипломатично ответил Борис.

– А где вы видели в России высшее общество? Его выкорчевали сто лет назад.

– Но не до такой же степени...

Чем-то Фима напугала бедного Бориса.

– Ну ладно, – примирительно сказала я. – Ничего с вами не случится.

«Тоже мне граф Вронский», – подумала я.

Фима объявилась через неделю – веселая, с коробочкой французского мягкого сыра.

– Очень сильный мужчина, – похвалила она Бориса. – И техника хорошая. Мне понравилось. Только он никуда со мной не ходил, никому меня не показывал. Стеснялся.

– А Париж ты посмотрела?

– Что Париж... Какая разница где жить: на Елисейских Полях или в Люберцах? Главное, с кем...

Фима не унывала, и меня это радовало. У нее был позитивный взгляд на вещи: получилось – хорошо, не получилось – тоже хорошо. Переступила и пошла дальше.

Ночью мне приснились битые яйца. Это к деньгам. Откуда? Никаких денег не предвиделось.

Я села пить кофе, и тут раздался звонок. Звонил Политик. Невероятно, но факт. Он поздоровался и сказал, что все в порядке. Бумаги подписаны. Дополнительная пенсия – моя. Она называется вспомоществование.

Какое тяжелое, неповоротливое слово, как паровоз, сошедший с рельс. Это слово хорошо включать в актерское мастерство для разработки дикции: вспо-мо-щест-во-ва-ни-е... А всего-навсего: прибавка к пенсии.

– Надо позвонить в приемную, там все объяснят, – добавил Политик и продиктовал телефон приемной.

Голос у него был усталый, деловой. Похоже, он звонил из машины, делал необходимые звонки. Моя задача была не визжать от радости и не хрюкать от благодарности. Не задерживать человека. Все это я просекла по его голосу.

– Спасибо, – коротко поблагодарила я.

– Всего хорошего, – попрощался Политик и нажал кнопку.

Я слушала короткие гудки, как музыку. Сон оказался вещий.

Я не столько радовалась деньгам, сколько благородству человека. Пообещал – сделал. Так приятно очаровываться людьми. Хочется побежать от радости на короткую дистанцию или сесть и написать гениальное произведение. Хочется жить и творить добро.

Я не выдержала и позвонила Фаине.

– А мне Политик позвонил! – торжествующе сообщила я.

– Зачем? – насторожилась Фаина.

– Он устроил мне президентскую пенсию.

Я специально не произнесла это тяжелое, унижительное слово: вспомоществование, как подачка на паперти. Президентская пенсия – совсем другое дело. Это как вычищенный до блеска офицерский конь, который гарцует на параде.

– Как? – онемела Фаина.

– Ну вот тогда, на столетии «Огонька», помнишь?

Раздался грохот. Я догадалась: Фаина грохнулась и умерла от зависти.

Днем я встретила Фаину в супермаркете. Она, оказывается, не умерла, выжила, но сильно похудела. Под глазами пролегла чернота.

– А пенсии эти отменили, – сообщила мне Фаина.

– Откуда ты знаешь? – испугалась я.

– Мне Ростоцкий сказал.

Я прибежала домой и позвонила в приемную. Трубку сняла девушка-секретарша. Я представилась и задала трепещущий вопрос.

Девушка ответила, что пенсии не отменили, что за глупости? Закон не имеет обратной силы. Каждое восьмое число я могу приходить на почту и получать причитающиеся деньги.

– А сколько это? – поинтересовалась я.

– Десять минимальных зарплат.

– А сколько составляет минимальная зарплата?

Девушка назвала смехотворную сумму. И десять зарплат – тоже смехотворная сумма.

– А кому еще дали? – спросила я.

Девушка зачитала список. В нем были только деятели кино – звезды советского периода, выдающиеся актеры и режиссеры, которые составляли гордость великого кинематографа 70-х. А как же я туда попала? Видимо, Политик взял список и приписал туда мое имя. И положил президенту на подпись. Президент уходил в отставку, он в эти списки даже не посмотрел, ему было все равно. Президент поставил свою подпись. И я оказалась в лодке, которая отплывала от тонущего «Титаника».

Тонущий «Титаник» – это была наша страна, наша кинематография и наши пенсионеры.

Десять минимальных зарплат – жалкая подачка. Неужели стране не стыдно перед звездами, которые положили свою жизнь на алтарь профессии?

Я позвонила актеру Икс, он был в этом списке. Представилась. Икс напрягся. Решил, что я хочу предложить ему роль в своем сценарии. Но я озвучила свое возмущение.

– Вам не кажется, что предложенная добавка к пенсии – жалкая подачка? Может быть, стоит отказаться?

Икс помолчал, потом сказал:

– Дареному коню в зубы не смотрят. Вам дали – скажите спасибо, а вы еще недовольны. Станные вы люди...

Интересно, что он имел в виду под «вы»? Кто это – «вы»? Я, а еще кто?

– Нудный вы человек, – поделилась я.

– Это вы нудный человек, – поправил Икс.

Честно сказать, мне этот Икс никогда не нравился как актер. Просто фактурный типаж, натасканный на актерство, как собака на наркотик. Сверху ему ничего не спущено.

Я положила трубку и вспомнила поговорку: старуха на город сердилась, а город и не знал. Это мой случай. Предположим, я откажусь. Никто не обратит внимания. Пусть все остается как есть. И Фаина будет грызть локти, не последнее дело.

А Ростоцкий, кстати, ничего ей не говорил, она все придумала, чтобы как-то пережить несчастье.

Мы соперничали. Это часто бывает в женской дружбе. Практически всегда.

В жизни Бориса Белого тем временем произошли большие перемены. Он женился и пожелал приехать ко мне с новой женой.

Разрешение было получено.

В один прекрасный день парочка явилась не запыхавшись. Девушку звали Оля. Тридцать лет. Обаятельная, глаз не оторвать.

Борис привез маленькие милые подарки, среди них банку маринованных белых грибов. Такие продают в дорогих супермаркетах, но Борис сказал, что он сам собрал и замариновал.

Мне было понятно, что он врет, но ложь симпатичная, безвредная. Просто хвастается человек. Ничего страшного, хотя странно для шестидесятилетнего.

Перед обедом мы решили погулять. Я помню эту прогулку вдоль реки. Май месяц. Солнце светило по-летнему. На берегу реки стояла плакучая ива, но росла она не вертикально, а параллельно земле. Свисала кроной над водой. На ствол можно было садиться, как на скамейку.

Мы задержались возле дерева. Борис насобирал щепочки и разжег маленький костер. Достал из пакета качественные сардельки, нанизал их на деревянный шампур и повесил над огнем. Он сидел на корточках, – стройный, подтянутый. На макушке торчал подростковый вихор. На нем была льняная клетчатая рубашка, вельветовые джинсы. Никакого запаха гуталина – современный, модный, не старый парень. Разница в возрасте не лезла в глаза. Хорошая пара.

Мы с Олей сидели на дереве. Она рассказывала историю их знакомства.

Оля жила в белорусском захолустье. Маленький поселок. Работала на птицефабрике. Женихов – нуль: четыре малолетних тракториста, женатый агроном, пьющий ветеринар, и се ту, как говорят французы. Это всё.

Борис Белый позвонил директору птицефабрики Панкову – они были знакомы в прошлой жизни, говорили о своих делах, и Борис спросил между прочим:

– У тебя там нет для меня невесты?

Панков пошуровал в памяти и хлопнул себя по лбу:

– Есть!

– Давай ее в Париж, – приказал Борис. – Немедленно!

Панков вызвал Олю и объявил:

– Поедешь в командировку. На повышение квалификации.

Оля удивилась. Ее квалификация не требовала повышения. Она осеменяла кур петушиной спермой. На всех кур – один петух. Буквально как в поселке.

– В Брянск? – уточнила Оля.

– В Париж.

– Не могу. У меня корова рожает. Собака подышает. Шарик.

– Без тебя родит, и без тебя подохнет. Похоронят твоего Шарика. Наверху не оставят. Оля колебалась, но Панков буквально вытолкнул Олю в Париж. Сам оформил все необходимые документы.

Нельзя сказать, что Оля влюбилась с первого или второго взгляда. Но Борис Белый – единственный шанс как-то изменить свою жизнь, раздвинуть рамки замкнутого пространства. Что ждало ее в поселке? Корова родит теленочка, Шарик сдохнет, будет новая собака, куры получают сперму и будут нести яйца. Куры – и те с яйцами, корова – и та с теленочком, а она, Оля, – одна, как огурец-пустоцвет. А тут все-таки Париж. И целый мужик с отношением. Борис ее буквально боготворил. Решили, что по возвращении в Москву обязательно обвенчаются.

Мы стали есть жареные сардельки. Они зарумянились, налились соком, пахли дымком. Надкусишь – и брызжет. А сверху голубое небо. Плакучая ива отражается в воде. И Оля – такая милая, а Борис – такой счастливый. Его счастье было тихое, глубокое, каким бывает настоящее счастье.

– Знаете, я совершенно не чувствую разницы в возрасте, – клялась Оля. – Борис молодой. Правда.

Я вспомнила характеристики Фимы и поверила. Да и что такое возраст? Это болезни. А если ничего не болит, то какая разница, сколько лет человеку? Я, например, слушаю по телевизору лекции Юрия Лотмана и наслаждаюсь его умом, его личностью, очарованием. Какая мне разница, сколько ему лет – тридцать или сто? Главное – душевное соответствие. Я бы никогда не поменяла Лотмана на Леонардо Ди Каприо.

И Олю тоже связывало с Борисом душевное соответствие. Он любил ее молодость, ее цветение, ходил как с букетом роз и вдыхал.

А Оля купалась в его любви, познавала Париж, знакомилась с новыми людьми – русскими и французами. Это тебе не птицефабрика, где запах несвежего куриного помета въелся в мозги. Куры едят, испражняются, несут яйца и умирают. Вернее, их убивают. Существует убойный цех с жестокостью и цинизмом, которые сопровождают каждую смерть. Жестокость и цинизм. Все это наводит на размышления о бессмысленности существования. Зачем все, когда в конце отрывают голову и бросают в таз?

А тут Париж. Русская аристократия и их потомки. Бутики ведущих модельеров. Приемы, которые дает русское посольство. Жизнь в консульстве отдаленно напоминает жизнь пауков в банке, но сколь тяжелые недостатки, столь весомые достоинства. Нужно уметь отделять зерна от плевел. А Оля умела.

Оля смотрела мне в глаза и говорила:

– Боря доверчивый, открытый. Он любит людей, он добрый. Знаете, почему его бросила вторая жена? Он тратил на подарки все деньги. Поедет в Москву, и все сбережения на ветер. Там, в Париже, они сидят, копят годами, во всем себе отказывают, а Боря тратит в один миг. Раз – и нет. Это характер такой.

– Любит производить впечатление, – предположила я.

– Нет. Любит дарить. Давать. Он добрый. И непрактичный. Но ведь это лучше, чем все себе, все в кучку, как белка в норку.

На пальце Оли поблескивало кольцо с изумрудом.

– Красивое кольцо, – отметила я.

– Это Боря подарил. От тетки осталось. Прошлый век. Старинная работа.

Мимо нас пронесли велосипедисты. День был наполнен движением, солнцем, молодостью, любовью, вкуснейшими сардельками. Что еще желать?

Фима оказалась на пороге большого счастья. У нее образовался жених. Алекс.

Она приехала мне его показать, узнать мое мнение. Все-таки я писатель, инженер человеческих душ. Значит, я смогу заглянуть в душу Алекса.

Алекс – среднестатистический мужик лет пятидесяти. На вид – технарь, вроде инженера среднего звена. Оказывается, они с Фимой были знакомы с юности. Алекс был даже влюблен в Фиму, но потом жизнь развела.

Алекс женился на некой Соне, жил с ней душа в душу, а теперь Соня умирала. Лежала в больнице. У нее были какие-то показатели, несовместимые с жизнью. Какие-то высокие цифры, которые не удавалось понизить. Врачи ждали конца. Алекс был предупрежден. Он посещал Соню в больнице, но она находилась в сумеречном сознании. Алекс сильно огорчился, но понимал: надо трезво смотреть на вещи, искать новую подругу, искать и находить теплое место.

Он достал старые записные книжки, позвонил Фиме. Фима, как это ни странно, жила по старому адресу. Ее телефон не поменялся. И сама Фима тоже мало изменилась.

Алекс хотел перевезти Фиму к себе в квартиру, но было неудобно перед соседями. Решили подождать. Недолго осталось.

Алекс и Фима приехали ко мне с банкой меда. Стали делать витаминный напиток. Его состав: мед, лимонный сок и чеснок.

Лимоны и чеснок нашлись в моем доме. Фима перекрутила их в блендере, потом смешала с литровой банкой меда. Получилась гадость несусветная. Ошибка – в количестве чеснока. Надо было положить пару зубчиков, а Фима ухнула пять головок. Мне стало жалко мед – натуральный, душистый. А теперь куда эту адскую смесь? В десерт – не пускает чеснок. В мясо? При чем тут мед? Абсолютно бесполезная бурда.

Фима не огорчилась. У нее было чудесное настроение. Они с Алексом были наполнены радостным интересом друг к другу. Фима преобразилась. Из активной и вульгарной Кабирии она превратилась в мягкую, гармоничную, практически интеллигентную женщину.

Я смотрела и понимала: все-таки женщина без мужчины, как без ноги, передвигаться можно на костылях, но неудобно, неэффективно и уродливо. А сейчас Фима пребывала на двух ногах, и обе ноги были красивые, сильные, с большим сроком годности.

Мы уселись за стол. Пили, закусывали и беседовали. Я поймала себя на том, что под Алекса не надо подстраиваться. Мы общались на равных.

В какой-то момент Фима достала листки со стихами. Протянула мне.

– Чьи это? – не поняла я.

– Мои.

Ага! Вот он, момент истины. Вот зачем Фима добивалась знакомства со мной. Она хотела получить консультацию и протекцию.

От писателя все именно этого и хотят. Побочное действие популярности. Я каждый раз надеюсь, что люди жаждут прикоснуться к моей бессмертной, неповторимой душе. А вот фига два. Все хотят отщипнуть что-то для себя лично. А с другой стороны: почему бы и нет? Когда я делала первые шаги в литературе, я тоже бегала с листками и консультировалась. Мне помогали. Значит, и я должна помочь.

Я опустила глаза в стихи Фимы.

Невольно вспомнила рассказ Всеволода Иванова «Сорок первый». Там героиня Марютка писала стихи. Я запомнила такую строчку: «Двадцатеро в степь ушло». Это значит: двадцать человек ушло в степь. Марютка была безграмотна и бездарна в поэзии.

От стихов Фимы на меня пахнуло тем же самым – бездарностью и безграмотностью. Я молчала.

– Ну, как вам мои стихи? – не выдержала Фима.

– Это не стихи, – сказала я.

– А что?

– Ничего. Пустое место.

– А Дементьев похвалил.

– Наврал. Не хотел тебя обижать.

– А вы не могли бы позвонить композитору Игорю Крутому?

– Зачем?

– Пусть он напишет музыку на мои стихи. Я буду поэт-песенник. Как Рубальская. Я позвоню Игорю Крутому, а он потом скажет: «Кого ты ко мне прислала?»

– Пусть Дементьев позвонит, – предложила я.

– Ну как же... Мы же с вами знакомы. Можно сказать, дружим.

Фима не понимала: есть вещи, которые не даются по благу – это счастье и талант.

Фиме казалось, что все можно достать и купить.

Алекс разлил вино по фужерам.

– А что же мне делать? – спросила Фима.

– Ничего не делать, – посоветовала я.

– Я тоже ей говорю: зачем тебе эти стихи? – поддержал меня Алекс.

Фима нам не верила. Сидела с недовольным лицом. Она была человеком активных эмоций. Эти эмоции в ней кипели и бурлили. Она выкладывала их в своих стихах, но получалось «двадцатеро в степь ушло». «Сделать хотел грозу, а получил козу», как пела Пугачева. Но Фиме казалось, что ее коза – это как раз гроза, во всяком случае не хуже. Ее убивало наше непонимание. Но ничего. Алекс ее утешит, и довольно скоро. Не позже, чем сегодня.

Голос Бориса Белого был глухой и слабый.

– Ты где? – крикнула я в телефонную трубку. – В Москве или в Париже?

– Я в больнице. У меня инфаркт. И депрессия.

– А Оля где?

– Оля ушла.

– Как? – не поняла я.

– Ушла и украла у меня кольцо.

– Господи...

История оказалась такова: наше посольство в Париже давало прием в честь высокого гостя. На приеме присутствовали богатые виноделы, муж и жена, и их сын Поль Валери.

У семьи – гектары виноградников и сеть винных заводов. Богатейшие люди, миллионеры. Одеты скромненько: у жены пучок на затылке и дырка на чулке. Порвала и не заметила. Папаша – краснолицый, с пузом. Должно быть, пьет много вина.

Сын Поль Валери – тридцатилетний очкарик, увидел в толпе Олю и сказал себе: «Вот девушка, на которой я женюсь». А потом он, видимо, сказал это Оле. Оля колебалась, но недолго, потом ушла к Полю Валери. Может быть, в этот же вечер, не знаю. А кольцо забыла отдать Борису. Она про кольцо просто не вспомнила. Можно понять: Борис старый и бедный, а Поль молодой и богатый, и у него впереди большое будущее. А у Бориса – маленькое будущее: от шестидесяти до семидесяти, и от семидесяти до восьмидесяти. И се ту. А у Поля: от тридцати до сорока, от сорока до пятидесяти. И это только половина.

Вот так девушка с птицефабрики стала женой наследника миллионов. А кто устроил? Панков.

Надо будет передать ему ящик вина.

– А ты где, в Москве или в Париже? – не поняла я.

– В Москве. Какой Париж...

Борис страдал. У него рвалось сердце. Он не мог дышать.

Из больницы его забрала первая жена – та, у которой было от него двое детей и которую он бросил на полдороге.

Первая жена поселилась вместе с Борисом в убитой однокомнатной квартире. Ухаживала за ним, как сиделка. Убирала. Варила еду.

Борис не хотел есть. Не хотел жить. У него была глубокая депрессия.

Я изредка поддерживала его своими звонками, но он не мог говорить или не хотел. Трубку брала жена.

Я сказала жене:

– Спасибо вам.

– За что? – удивилась она.

– Ну... Не бросили человека. Помогаете.

– А как же? Мне его жалко. Он ведь не собака. Да и собаку тоже жалко.

Я догадалась: жена – хороший человек. Но хороших не любят. Любят плохих, с ними интереснее.

Борис не хотел жить. И вскоре умер.

Хоронили его три человека: первая жена и двое детей. Вторая жена не пришла. А Оля даже не узнала. Она в это время пребывала в Альпах. У них с Полем там было собственное шале – в переводе «хижина пастуха».

Жизнь груба. Счастье Фимы тоже развалилось. Жена Алекса Соня неожиданно для всех пошла на поправку. Анализы стали улучшаться, роковые показатели пошли вниз и тяготели к норме.

Соню выписали домой. Алекс ускакал в семью и даже не отзвонил Фиме. Ни тебе «спасибо», ни тебе «извини». Видимо, он любил Соню и предпочитал ничего не менять в своей жизни. Мужчины вообще инертны. Им главное – не вставать со своего кресла и не менять своих тапок.

Фима приехала ко мне совершенно разбитая новыми обстоятельствами. Стояла в дверях без лица. Вместо лица – белое пятно. Жизнь – пустыня, впереди один песок, а то, что возникает на горизонте – миражи. Приблизись – и нет ничего. Вот и Алекс – мираж. Растворился.

Я пыталась ее успокоить:

– Все-таки хорошо, что Соня поправилась.

– Кому хорошо? Соне?

– Ну да...

– А я при чем? Я-то как раз и ни при чем.

Я искренне ей сочувствовала и не знала, что можно сделать. Хоть бери и отдавай своего мужа. Но они – не пара. Мой муж любит читать и молчать. А Фима не выносит ни первого, ни второго. Ее любимая книга – про Буратино, больше она ничего не читала. При этом трещит, не закрывая рта, и все время задает вопросы. Это значит: надо слушать то, что она говорит. Для моего мужа это непосильная нагрузка. Он бы умер. Или сбежал. Так что надо искать другой выход из создавшейся ситуации.

Я пригласила ее погулять. Движение полезно при стрессе.

Мы вышли за ворота. Перед нами расстился дачный поселок невиданной красоты. Мачтовые сосны устремлялись к небу. Ели широко развесили свои лапы. Березки трепетали листвой. Возле соседского забора трудилась рабочая бригада белорусов. Они ставили новые ворота.

Бригада состояла из четырех человек – все красавцы, особенно бригадир в желтой рубашке.

У меня возникло большое желание: отделить этого бригадира от товарищей и вручить его Фиме взамен Алекса.

У Фимы возникло это же самое намерение: приватизировать желторубашечника. Она бесстрашно подошла к нему и спросила:

– А сколько стоят такие ворота?

– Вы хотите сделать заказ? – отреагировал бригадир.

– Я ищу варианты, – неопределенно ответила Фима.

– Вот моя визитка.

Бригадир дал визитку Фиме. Там был телефон и имя. Имя бригадира – Василь. Красиво.

Перед тем как отойти, я спросила:

– А вы здесь с семьей?

Я хотела уточнить: имеется ли в наличии жена? Это было важнее, чем ворота.

– Нет. Семья дома, – ответил Василь.

Белорусы, молдаване, армяне – дети разных народов едут в Россию на заработки, как на войну. Живут кое-как, терпят лишения. Зачем тащить с собой семью?

Фима приняла к сведению семейный статус Василя. Опять облом. Жизнь состоит из сплошных обломов. Невезучая Фима.

Мы вернулись ко мне на дачу. Фима спрятала визитку в сумку. Мало ли... Всегда есть шанс. Последнее дело – потерять надежду. Пока надежда жива – солнце всходит и заходит, и никогда не опаздывает с восходом.

Эпилог

После смерти Бориса первой жене досталась его убитая квартира. Борис успел оформить дарственную.

Жена сделала ремонт и легко сдала, поскольку квартира в двух шагах от метро. Деньги за аренду плюс пенсия – можно было раз в год съездить к морю и поставить недостающие зубы.

Оля занялась благотворительностью и работала, по сути, золотой рыбкой. Это оказалось не так просто, как можно себе представить.

Мой знакомый сценарист любил говорить: «Жизнь не так проста, как кажется. Она еще проще». Думаю, что это так и есть.

В моем случае: счастье – это природа и работа. Я не могу работать за границей. Во мне что-то не включается. Ток не идет. Получается не проза, а подстрочник. Поэтому мое место здесь, на задворках столицы. Счастье – это быть на своем месте в прямом и переносном смысле.

Я люблю смотреть по телевизору новостные программы: «Новости», «Вести» и так далее.

Я включила Первый канал и увидела свою подругу Фаину. Она стояла в Георгиевском зале, а президент Путин прикручивал на ее платье какой-то значок.

Фаина получила звание и стояла во всей красе – торжественная и нарядная, в замечательном платье травяного цвета.

Я не упала на пол от зависти. Наоборот. Я почувствовала в груди теплый толчок радости. Я была счастлива за свою подругу, искренне и до дна. И не напоказ, а сама с собой. Я знала: вся ее жизнь состояла из работы и поисков работы – труд и усилия и снова – труд и усилия. И вот – справедливый результат. Она стоит перед президентом, а он прикручивает ей значок, дырявит платье.

Фаина что-то мягко говорит президенту – не лает, а скорее поет. Он слушает и летуче улыбается. Наверное, она приглашает его сниматься в кино.

Фуга Баха

Меня пригласили на презентацию книги. Мой друг Сандро Бадридзе выпустил книгу и попросил меня поприусловствовать.

Мы с Сандриком знакомы с давних пор. Он – сценарист, режиссер, грузин, красавец и златоуст. Набит разными историями от макушки до пят, и эти истории у него никогда не кончаются. Рассказывает он замечательно. У него прекрасная русская речь, красивый голос с грузинским фоном. Он говорит правильно, но чувствуется, что знает еще один язык, который проступает как талая вода.

Мы познакомились в Доме творчества кинематографистов, где проходил семинар молодых талантов. Мы, молодые таланты, всегда находили повод повеселиться. В молодости жизнь поглощаешь горстями и все время чего-то ждешь. Например, успеха и желанной славы, а также богатства и любви.

Сандро был женат на прекрасной грузинке, у него и не могло быть другой. Я давно заметила: грузинские женщины – особенные, теплые и глубокие. Может быть, мне повезло. Я встречала только таких – само совершенство. Сандро и его жена Нателла были вместе чуть ли не со школы. Она была самая красивая девочка в классе. Сандро влюбился смертельно. Родители испугались и увезли его в другой город. Сандро каждый вечер садился на поезд, ехал к Нателле, и они всю ночь целовались в парадном подъезде. Так продолжалось целый год.

Далее: учеба в Москве, общежитие, голодуха. Сандро и Нателла прошли через нищету, через первый аборт. Потом долгое бесплодие, и наконец беременность с угрозой выкидыша. Нателла восемь месяцев лежала на сохранении в больнице, как в тюрьме. Не двигалась.

Ранний романтический брак. Они прошли через искушения, через свирепые ссоры. Но Сандро не мог себе представить, что вот – хлопнет дверь, и Нателла – чужой человек. Нателла – половина его. Они – одно.

Сандро приходил на семинары – стройный, с золотыми волосами, невероятными глазами – широко посаженными, цвета чая.

Он мне нравился, а я нравилась ему. Но не больше. Есть выражение: «Мы любим не тех, кто нам нравится». Поэтому любовь нас с Сандро не коснулась. И это очень хорошо. У нас не случился роман, слава богу, и это спасло нашу дружбу. Случайные романы мешают, как заноза. Хочется выдернуть. А когда человек просто нравится – это прочно, практически навсегда.

Сандрик и сейчас мне нравится, я им восхищаюсь, и это восхищение никуда не исчезает.

Однажды мы пришли с ним в ресторан Дома литераторов. Сели за столик. Стали придумывать сценарий. У грузин – совершенно особое воображение, из эпохи Возрождения. Это потому, что в Грузии много солнца, от этого люди там солнечные и хорошо поют.

В ресторан вошла Ванда, жена известного поэта, и села к нам за столик. С чего бы это? Посидела и ушла. А потом, через много времени, созналась, что была влюблена в Сандро и отслеживала его по всему Советскому Союзу. Куда он, туда она.

Сандрик жил в Тбилиси. Там работал и там набирался своих историй.

Однажды в Тбилиси приехали американские кинематографисты. Их надо было принять подобающе, а никого из ответственных людей не было на месте. Один – снимал свое кино. Другой – в отъезде. Третий – сломал ногу.

Позвонили Сандрику: выручай.

Сандрик в это время был свободен, бездельничал и с удовольствием погрузился в данное ему поручение. Он организовал богатых грузин, чтобы оплатили расходы, нанял маленький

хор из пяти человек, чтобы пели на пять голосов, пригласил интересных людей и красивых женщин.

Грузинская интеллигенция – это особая статья.

Для грузина понятие «гость» – это тоже особая статья.

И понеслось: рестораны, грузинские витиеватые тосты, грузинские блюда, старинные памятники, Мтацминда, кладбища, свадьбы, архитектура, мастерские художников, археологические раскопки...

И все это сопровождалось бархатным вином и грузинским многоголосием.

Сандрик вошел в раж. Встреча происходила на самом высоком градусе дружбы и, практически, любви.

Хор из пяти человек садился где-то в уголке, вроде случайных посетителей. Но в нужный момент Сандрик делал незаметный знак, и они вступали божественным аккордом. Пение летело под своды ресторана, как горное эхо. Старинные мелодии завораживали, как будто сама Грузия вошла и зазвучала.

Американцы обомлели. Они попали в сказку. Они в нее верили. Ничего похожего в Америке нет и быть не может. Там каждый пасет свои интересы. А здесь нет своих интересов. Только распахнутые сердца.

Через пять дней американцы уезжали. Сандрик их провожал.

В аэропорту один американский сценарист, довольно старый, горько заплакал.

– Я не хочу уезжать, – сообщил он.

Сандрик перепугался. Вдруг этот седой хмырь захочет остаться навсегда?

– У меня есть сын и внук, но они никогда не приходят ко мне и не интересуются: как я живу? что у меня на душе? Они только ждут моей смерти, чтобы наследовать мои деньги. А здесь, в этом углу земли, меня любят, смотрят мне в глаза, как родные, равнодушные люди. Я впервые за долгие годы не был одинок.

Старый американец припал к груди Сандрика. Сандрик погладил его по седой голове, как ребенка. Старик зарыдал еще горше.

Прощание удалось на славу. В последний раз выпили киндзмараули. Хор в последний раз пропел «Мравалжамиер».

Самолет улетел, Сандрик выдохнул.

Вернулось начальство. Спасибо не сказали. Гости – это святое и само собой разумеется, что их надо принять по высшему разряду.

Прошел год. Сандрик снял свой фильм. Два месяца не вылезал из монтажной. Последний месяц даже спал в монтажной, чтобы утром не тратить времени на дорогу.

Он не двигался, не дышал свежим воздухом, ел кое-как – все это не имело для него никакого значения. Главное – успех, а здоровье можно будет восстановить.

Фильм получился. Его послали на фестиваль в Америку.

Фестиваль проходил в городе Лос-Анджелесе, который когда-то американцы нагло отобрали у Мексики.

Жара. Сандрик задыхался, но при этом не пропускал ни одного просмотра, ни одного приема. Такой у него был характер. Жизнь не должна идти мимо. Он хотел участвовать в каждом ее моменте.

На очередной вечеринке к Сандрику подошла переводчица Соня и сказала:

– Вы бледный. Вам плохо?

– Мне хорошо, – ответил Сандрик.

Он весь вечер любовался Сониным затылком и шеей. У нее была очень красивая длинная шея, как у балерины.

Сандрик действительно неважно себя чувствовал, но ничто не могло его отвлечь от женской красоты.

– Вы бледный, – настаивала Соня. – Давайте съездим в госпиталь. Это рядом.

– А как мы поедем? – не понял Сандрик.

– Со мной. Я с машиной.

Сандрик не хотел в госпиталь, но его привлекла возможность оказаться с Соней наедине.

– Хорошо, – согласился Сандрик.

Отправились в госпиталь. Соня сидела рядом с прямой спиной, очень сосредоточенная. Сандрик выбирал момент, когда можно будет положить ладонь на ее шею, но не успел. Они приехали очень быстро.

Их приняла врач с азиатской внешностью. Скорее всего, китаянка. Спросила: на что больной жалуется?

– Мне трудно дышать, – сознался Сандрик.

Соня перевела.

– Проверим легкие, – решила китаянка.

– У меня с легкими все в порядке, – возразил Сандрик.

– Решать буду я, – жестко постановила китаянка.

Отвела Сандрика в бокс.

С легкими действительно все оказалось в порядке. Стали проверять сердце. Процедура называлась «эхо». На экране было видно сердце, оно тяжело, мучительно сокращалось. Фракция выброса была значительно ниже нормы.

Китаянка вызвала кардиологов. Сделали ангиографию. Это исследование показывает степень проходимости кровеносных сосудов, питающих сердце.

Ангиография показала, что все сосуды забиты на девяносто процентов. Сердце практически не получает кровь, ему нечего перекачивать.

Странно, что больной до сих пор жив и неплохо выглядит.

Врачи залопотали на своем языке. Соня слушала с непроницаемым лицом. Не хотела пугать русского. Потом обернулась к нему и сказала:

– Вас оставляют в госпитале. Вам необходима операция. Она называется шунтирование. Стоит сто тысяч долларов. Соглашайтесь.

– У меня завтра просмотр, – растерялся Сандро.

– Речь идет о жизни и смерти, – спокойно проговорила Соня. – У вас нет выбора. И знайте: вам повезло. Это лучший госпиталь в штате Калифорния. Благодарите Бога, что вы оказались в Америке. В Москве вы бы умерли.

– Соня, вы занимаетесь балетом? – спросил Сандрик.

– Значит, вы согласны. Я говорю «да».

– А вы будете меня навещать?

– Вас тут долго не продержат. Через два дня после операции уже заставляют ходить.

Деньги на операцию перевел старый сценарист – тот самый, что рыдал на груди у Сандрика. Он обзвонил своих коллег. Они скинулись по двадцатке. Получилась нужная сумма. Все это организовала Соня.

Через два дня после операции Сандрика действительно подняли на ноги. Он боялся, что у него треснут и разойдутся швы, но ничего не треснуло.

И вот Сандрик идет по коридору госпиталя и свободно дышит.

Однажды на перевязке Сандрик услышал, как один врач (тоже китаец) сказал другому:

– У этого русского высокий коэффициент атерогенности. Новые сосуды тоже скоро забьются холестерином.

– А что делать? – спросил другой врач.

– Ходить. Сердце должно гнать кровь постоянно, работать как насос.

Сандрик все понял. Он действительно плохо дышал последний год. Была неудовлетворенность вдохом. Он набирал воздух, но не насыщался им. Как будто кислород не доходил до места. Сандрик грешил на монтажный образ жизни. Ему казалось: он окончит свой труд, «завещанный от Бога», восстановит режим, и все вернется на свои места. Но нет. Он, оказывается, ходил по краю пропасти и мог умереть в любую минуту.

Сандрик испугался задним числом.

Его приходили навещать, но Сандрик не радовался вниманию друзей, и даже шея Сони его не отвлекала от тягостных мыслей.

Однажды возникла Ванда с царскими подарками: модные шорты и экстравагантная майка.

Сандрик был подавлен и молчалив.

В Америку приехала его жена Нателла. Сандрик увидел Нателлу и заплакал.

Все закончилось тем, что они решили остаться в Америке. Если что, Сандрик побежит в госпиталь и его спасут. А в Тбилиси он умрет. И в Москве тоже. Медицина в России отстает на пятьдесят лет, а если быть точным, то на все сто. И пока мы догоним Америку, можно будет умереть и родиться заново и снова два раза умереть. А Сандрик любил жить и хотел жить. И при этом был молод, красив и талантлив. И Ванда не зря, хоть и безрезультатно, моталась за ним по всему земному шару.

Сандрик и его жена Нателла поселились в Санта-Монике на берегу океана.

Сын Миша пошел в своего папашу (а именно в Сандрика) и очень рано влюбился в черную девушку-эфиопку. Ее звали Доминика, и она родила мальчика-мулата. Назвали Резо.

Сандрик сажал внука на плечи и шел с ним гулять вдоль океана.

Воздух, напоенный йодом, красота для глаза. Все-таки океан – это нечто грандиозное. Планета. Параллельный мир, где живут разумные существа: киты, акулы, дельфины.

На плечах Сандрик чувствовал благословенную сладкую тяжесть трехлетнего ребенка, своего внука. Любовь и нежность омывали сердце. И сердце хорошо работало, качало и гнало кровь, как исправный насос.

Сандрик шел и не любил останавливаться, чтобы не прерывать движения. Но иногда все же попадались русские эмигранты, надо было поздороваться, перекинуться парой слов.

Все без исключения восторгались Резо. У него были керамические эфиопские глаза, точеное европейское личико и кожа – кофе с молоком. Смешение рас дает потрясающие результаты. Пушкин, например.

– Какая прелесть! Гений чистой красоты!

Это была привычная реакция на Резо. Сандрик улыбался, польщенный.

– Вы, москвичи, называли нас, грузин, «черножопые». Вот я родил вам настоящего черножопого грузина.

Это была дежурная шутка Сандрика. Она не соответствовала действительности. Русские всегда любили грузин. «Черножопыми» считались другие. Но Сандрик ради красного словца мог подставить и мать и отца. Такая особенность художников слова. И Сергей Довлатов грешил этим же. На него многие обижались.

Сандрик гулял вдоль океана каждый день по многу километров. Он загорел, похудел, окреп. В здоровом теле – здоровый дух, хотя дух у Сандрика всегда был здоровым, веселым и позитивным. Возле него хотелось находиться как можно дольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.